

**Интеграционные и языковые процессы
на постсоветском пространстве Центральной Азии**

На границе XX–XXI веков наиболее ярко, особенно на постсоветском пространстве, стали проявляться две противоположные тенденции. С одной стороны, регион захлестнул «парад суверенитетов», а затем волна сепаратизма, в результате чего возникло множество новых государств, в том числе непризнанных международным сообществом. С другой стороны, нарушение сложившихся в течение многих десятилетий связей вызвало у многих теперь суверенных государств стремление к экономической и военной интеграции, но на основе иных принципов, чем в рамках СССР. Важным вектором межгосударственного взаимодействия Российской Федерации стал Центрально-Азиатский регион.

Центральная Азия (ЦА) или Центрально-Азиатский регион (ЦАР) географически представляет собой совокупность государств, ранее именовавшихся среднеазиатскими. В неё включаются территории современного Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. До 1991 г. они совпадали с границами одноименных советских республик в составе Союза ССР.

В современной литературе встречается понятие «Большой Центральной Азии», куда, по версии UNESCO, относят, кроме вышеуказанных стран постсоветского пространства, Афганистан, Пакистан, Монголию, отдельные районы Ирана, Индии, Китая и России. В нашей работе под ЦА понимаются государства, ранее находившиеся в составе СССР и испытавшие значительное влияние русской культуры и языка.

С древних времен ЦАР имеет транзитный характер (через него проходил Великий шёлковый путь) и до сих пор остаётся перекрестком, в пределах

которого сосуществуют разные языки и культуры: тюркские, славянские, монгольские и иранские [12, с. 47]. В последние десятилетия (особенно после событий 11 сентября 2001 г.) интерес к ЦАР возрос, что обусловлено различными причинами. ЦА имеет геополитически выгодное расположение между Россией, Китаем и Кавказом, значительный энергетический, природно-ресурсный потенциал и транзитно-транспортные возможности. К его специфике относится близость к очагам вооруженных конфликтов (Афганистан, Иран, Пакистан), оказывающим сильное влияние на международную безопасность [4, с. 26]. В этой связи ЦАР остается сферой пересечения интересов и стратегий России, США, Китая, Европейского Союза, Ирана и Турции.

Географически близкий к ЦАР Китай хочет создать из данного региона свой энергетический тыл, в том числе, используя проблему гидроресурсов как важный способ усиления своего политического влияния [2, с. 65, 72]. Важнейшим механизмом для решения своих задач Китай считает Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) [4, с. 34].

Россия, будучи трансконтинентальным государством, заинтересована в обеспечении устойчивого развития на евразийском континенте. Одним из условий для этого являются дружественные отношения с соседними странами. Согласно Концепции внешней политики РФ, Россия формирует пояс добрососедства по периметру своих границ и обеспечивает всестороннюю защиту прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом. В основном упор делается на сотрудничество и стратегическое партнерство со странами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) [10, с. 86].

Государства ЦА в различной степени вовлечены в интеграционные процессы на постсоветском пространстве. В состав СНГ входят все пять стран (Туркменистан – на правах ассоциированного членства), в ШОС – четыре (кроме Туркменистана). В Таможенный союз изначально включен Казахстан, а Кыргызстан – с 1 мая 2015 года. В Евразийский экономический союз (до 2014 г. – Евразийское экономическое сообщество) вошли Казахстан, Кыргызстан и

Таджикистан, а в его Таможенный союз (ТС ЕАЭС) – только первые два государства. Заметной стала тенденция отхода от интеграции со стороны Узбекистана, приостановившего членство в Таможенном союзе и в Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) (табл. 1).

Таблица 1. Членство государств Центральной Азии в совместных с Россией межгосударственных объединениях на 1 мая 2015 г.

Страна	Наименование межгосударственного объединения				
	СНГ	ШОС	ЕАЭС	ТС	ОДКБ
Казахстан	+	+	+	+	+
Кыргызстан *	+	+	+	+	+
Таджикистан	+	+	+	-	+
Туркменистан **	+	-	-	-	-
Узбекистан ***	+	+	-	-	-
* Вступил в Таможенный союз с 1 мая 2015 г. ** Является ассоциированным членом СНГ. *** Приостановил членство в ЕАЭС (2008 г.) и ОДКБ (2012 г.)					

Как представляется, динамика интеграции находится во взаимосвязи с этническими и языковыми процессами в ЦАР. В частности, русский язык признан официальным в государствах ЦА, имеющих значительную долю русскоязычного (в основном русского по национальности) населения, которая в настоящее время составляет в Казахстане 21,5%, в Кыргызстане – 6,5%. Именно они являются членами всех межгосударственных объединений наряду с Российской Федерацией. Наименьшую вовлеченность в интеграционные процессы демонстрируют Узбекистан, где около 2% русских, и Туркменистан (3,2%). Там русский язык законодательно признан языком межнационального общения, но его значение в сфере науки и образования невелико.

В Таджикистане, несмотря на норму статьи 2 Конституции 1994 г., закон «О государственном языке» №553 от 5 октября 2009 г. первоначально не содержал указания на статус русского языка как языка межнационального общения. Однако, учитывая сложившуюся практику большинства государственных органов вести делопроизводство на русском языке, 9 июня 2011 г. этот статус был возвращен [3].

Во всех странах ЦАР постепенное падение роли русского языка является общей тенденцией. Основной предпосылкой для этого стало снижение

удельного веса русскоязычного населения, происходящее в течение всего постсоветского периода.

Находясь в рамках СССР в качестве союзных республик, страны ЦА подвергались мощной русификации. Объективной предпосылкой усиления влияния русского языка было значительное число русскоязычных жителей, особенно в Казахстане и Киргизии. По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахской ССР проживало 37,8% русских, в Киргизской ССР – 21,5%, в Таджикистане – 7,6%. Кроме того, русский язык оставался языком межнационального общения для представителей крупных национальных меньшинств Казахстана (немцев, составлявших 5,8% населения и украинцев – 5,5%), в меньшей степени – Киргизии (украинцев – 2,5%, немцев – 2,4%). На территории Таджикской ССР в основном проживали представители коренных народов: таджики (62,3%) и узбеки (23,5%) (табл. 2).

После распада СССР демографические и миграционные процессы в этих странах привели к значительным изменениям их национального состава. За 25 лет суверенитета в Казахстане резко сократилась доля славянского населения (русских и украинцев), немцев и татар – более чем на 4 млн. чел. При этом численность казахов увеличилась на 4,7 млн. жителей. Доля русских, составлявших в 1989 г. 66%, сократилась до 22% от общего числа жителей [1].

По данным статистики видно, что Сходные процессы происходили в соседнем Кыргызстане, где представители титульной нации в настоящее время составляют три четверти населения республики [7]. Вместе с тем, доля русских, по нашим подсчетам, сократилась в 3 раза, украинцев – в 8 раз, немцев – в 12 раз, татар – в 31 раз [6, с. 96].

В Таджикистане число русских к 2010 году сократилось в 11 раз, а их доля составила всего 0,5%. Количество таджиков выросло более чем в два раза, а их доля вместе с узбеками (второй по численности нации) достигла 96,5% (табл. 2).

Таблица 2. Национальный состав населения Таджикистана
по переписи населения 1989 г. и по оценке на 2010 год [8, с.7]

Основные нации	Численность нации (млн. чел.)		Доля представителей нации (%)		Динамика по сравнению с 1989 г.	
	1989	2010	1989	2010	число жителей	доля жителей
таджики	3,172	6,374	62,3	84,3	+ 3,202	+ 2,1 раза
узбеки	1,198	0,926	23,5	12,2	- 0,272	- 22,7%
русские	0,388	0,035	7,6	0,5	- 0,353	- 11 раз
украинцы	0,041	0,001	0,8	0,001	- 0,040	- 40 раз
всего	5,093	7,565			+ 2,472	+ 32,7%

Официальные данные переписи населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2010 г. содержат достаточно информативные сведения о языковой ситуации в стране (табл. 3).

Таблица 3. Свободное владение вторым языком представителями основных наций
Таджикистана [8, с.58]

Нация	Общая численность (чел.)	Владение таджикским языком		Владение русским языком	
		количество (чел.)	доля (%)	количество (чел.)	доля (%)
таджики	6378834	-	-	1851576	29,0
узбеки	926344	483554	52,2	93187	10,1
кыргызы	60715	18824	31,0	6918	11,1
русские	34838	10668	30,6	-	-
туркмены	15171	4718	31,1	1625	10,7
татары	6495	1483	22,8	2941	45,3
Всего	7564502	519247	6,9	1956247	25,9

Материалы данной переписи показывают, что значение русского языка в качестве второго, которым жители владеют свободно, для национальных меньшинств невелико. При сопоставлении показателей владения таджикским и русским языками видно, что государственный язык сохраняет приоритет и в качестве языка межнационального общения. В частности, таджикским языком свободно владеют 52% узбеков (русским – 10%), 31% кыргызов и туркменов (русским – по 11%). Важно учесть, что узбеки, кыргызы и туркмены составляют в совокупности более 1 млн. жителей страны (около 16%). Только среди татар, численность которых по результатам переписи всего 6,5 тыс. чел., доля свободно владеющих русским языком вдвое больше, чем таджикским (45 против 23%).

Распространение русского языка в советский период происходило как под влиянием геополитических факторов, в результате действия административных методов, так и за счет целенаправленной государственной политики СССР по предоставлению образовательных услуг иностранным студентам. Около 1 млн. человек получили дипломы советских вузов [5, с. 99].

В настоящее время в вузах России также обучаются студенты из зарубежных стран, причем две трети из них приходится на государства Центральной Азии (табл. 4). Примечательно, что треть от общего числа иностранных студентов являются гражданами Казахстана, территориально примыкающего к границам РФ и в наибольшей степени вовлеченного в интеграционные процессы в рамках СНГ, ЕАЭС и Таможенного союза. Однако более одной пятой части студентов-иностранцев представляют Туркменистан и Узбекистан – государства, проявляющие более независимую политику, в том числе и в языковой сфере.

Таблица 4. Численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах России в 2011/2012 и 2012/2013 учебных годах [9, с. 19, 26]

Страна	2011/2012 учебный год		2012/2013 учебный год	
	Количество студентов (чел.)	Доля от общего числа иностранных студентов (%)	Количество студентов (чел.)	Доля от общего числа иностранных студентов (%)
Казахстан	18862	31,8	23656	33,9
Кыргызстан	2536	4,3	2627	3,8
Таджикистан	4804	8,1	5660	8,1
Туркменистан	7967	13,4	10954	15,7
Узбекистан	4455	7,5	5605	8,0

С одной стороны, абсолютные показатели численности студентов-иностранцев из ЦАР дают возможность надеяться, что будущие выпускники российских вузов, вернувшись на родину, смогут преумножить роль и значение русского языка в регионе. С другой стороны, статические данные не позволяют уточнить, какова доля среди них представителей русскоязычного меньшинства, получающего в России образование на родном для них языке. Кроме того, получение российского диплома о профессиональном образовании повышает

шансы будущих специалистов из числа соотечественников остаться работать в России или Казахстане, также активно принимающим трудовых мигрантов.

Таким образом, в постсоветский период происходит «сокращение зоны активного использования русского языка в ближнем зарубежье» [11, с. 152], в том числе – в государствах ЦАР. Русское языковое пространство быстро сокращается прежде всего в странах, где русский язык не получил государственного статуса. Как отмечает политолог В.А. Никонов, за последнее десятилетие численность русскоязычного населения сократилось на 50–70 млн. человек как из-за естественной убыли, так и по политическим причинам, в силу своеобразного «политического наказания» языка за исторические обиды [5, с. 99].

Исследование показало, что наибольшие шансы для сохранения роли и значения русского языка среди государств ЦА остаются у Республики Казахстан. Важными предпосылками для этого стали: значительная доля русскоязычного населения, официальный статус русского языка и последовательная политика интеграции с Россией.

Как представляется, постепенная изоляция отдельных стран ЦАР от достижений русской культуры, образования и научного знания препятствует дальнейшим интеграционным процессам в регионе, а также легализации и получению достойного места работы трудовыми мигрантами в России – крупнейшем участнике рынка труда для выходцев из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Литература

1. Агентство Республики Казахстан по статистике. Серия 15. Демография. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 г. Астана, 2014.

2. Бабаян Д. Некоторые направления геополитики Китайской Народной Республики в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. №4 (13). С. 62–74.
3. В Таджикистане русскому языку вернули прежний статус [Электронный ресурс]. URL: [Lenta.ru/news/2011/06/09/russian](http://lenta.ru/news/2011/06/09/russian)
4. Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. 2011. №1 (14). С. 26–41.
5. Медведева Т.А. Значение языкового фактора в современном мире // Латинская Америка. 2014. № 8. С. 97–107.
6. Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. № 6 (50). С. 95–102.
7. Национальный статистический комитет Кыргызской республики [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.kg/>
8. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Т. 3. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012. – 537 с.
9. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: статистический сборник. Вып. 11. М.: Центр социологических исследований, 2014. – 200с.
10. Омаров М., Омаров Н. Государства Центральной Азии во внешней политике России, США и Европейского Союза // Центральная Азия и Кавказ. 2009. №3. С. 85–94.
11. Пурынычева Г.М., Шагаева М.И. Языковое пространство России: методологический анализ // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 150–154.
12. Фаткулин Б.Г. Языковая политика в государствах Центральной Азии на современном этапе в контексте цивилизационной гетерогенности // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). С. 46–51.